

а Кеemia, разрезав картошку на кусочки, так, чтобы на каждом кусочке был «глазок», как показали соседки, сажала эти кусочки.

Несколько раз в их деревеньку навевывался из соседнего села странный человек. Он старался разговорить Улана или деда Шивиды, беседовал с ними о разных вещах, но никогда своего мнения не высказывал. Улан обратил на это внимание и предупредил Кеему: – Странный человек, сидит и слушает слова других, но сам своего мнения ни за что не скажет. Будь с ним осторожна. Лишнего не болтай...

Сославшись на то, что их документы о заключении брака были утеряны во время высылки, Улан и Кеemia оформили свой брак в комендатуре. Комендант, увидев на груди Улана награды, орден Боевого Красного Знамени и медаль «За отвагу», даже растрогался. Пожал Улану руку и пожелал счастья. Дед Шивид в тот день переехал жить в свою землянку, и в ту ночь они впервые остались одни. Кеemia обхватила шею Улана руками, впиалась в губы жарким поцелуем, потянула к себе. Вдвоём они упали на служившие кроватью широкие нары. Улан прижался к горячему телу, стянул с Кеемы через голову рубаху, провёл губами, носом, щекой по бархатной девичьей коже, ощутил чарующий, сносящий крышу аромат. Он быстро избавился от одежды и соединился с девушкой – резко, страстно, нетерпеливо...

Когда родился их сын, дед Шивид, к которому они обратились как к старшему с просьбой дать ребенку имя, задумался, а потом ответил: – Пусть будет Босхонджи⁹⁹⁰! Ведь ему, и таким, как он, предстоит возродить народ...